

ГЛАВА 25. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Данная глава является попыткой изложения в очень схематичном виде некоторых важных аспектов современной академической дискуссии в отношении тенденций текущего экономического развития и региональной интеграции и глобализации. Основной целью является отражение существующих теоретических перспектив в данной области исследования. Следует отметить, что теоретическая и эмпирическая литература в области региональной интеграции огромна, и может показаться фрагментированной и случайной. В этой главе делается попытка объединить важные элементы теоретической дискуссии в литературе. Дальнейшей задачей, стоящей перед автором, была не оценка тех или иных фактов, или законченное изложение теоретических взглядов, а попытка сформулировать базовые представления о том, каким образом возникли те или иные тенденции в мировой экономике, почему они собственно появляются, удерживаются некоторое время и исчезают, уступая дорогу другим.

Предполагается, что базовый набор знаний (пусть в сжатом виде) позволит двигаться вперед, даст руководство к дальнейшему анализу и развернутому пониманию процессов глобализации и региональной интеграции.

25.1. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Каким образом мы можем понять современную эпоху глобальных изменений и глобальных неопределенностей? Какие концепции описывают эти перемены? Каковы основные категории, используемые для описания этих процессов? В данной главе мы будем иметь дело, прежде всего, с понятиями, парадигмами и концепциями такой дисциплины как политическая экономия, и в особенности такого ее направления, как международная политическая экономия. Последняя находится на стыке нескольких теоретических традиций – экономики, политической экономии, политологии и международных отношений. Прежде всего, необходимо сделать несколько самых общих замечаний относительно того, что представляет собой международная политическая экономия.

Политическая экономия одна из наиболее сложных и противоречивых дисциплин среди социальных наук в целом. Это не в меньшей степени верно в отношении относительно такой молодой

области знания, как *международная политическая экономия* (МПИ). В целом, МПИ исследует то, каким образом мировая экономика организована политически, или же, как анархия в международных отношениях может сосуществовать с разными формами экономического сотрудничества и взаимодействия. Иными словами, МПИ – это попытка выявить устойчивую связь между политикой и экономикой в международных отношениях (Gilpin, 1987). Но если мы можем сформулировать, что представляет собой политэкономия, то почему же мы сталкиваемся с разбросом теоретических изысканий? Ответ лежит в разнице взглядов на одну из наиболее важных проблем МПИ, а именно как может быть определена эта взаимосвязь между политикой и экономикой.

Одной из фундаментальных предпосылок МПИ, отличающей ее от международной экономики (*international economics*), выступает то, что ни одна из экономических систем может существовать без какой-либо политической организации или системы. Таким образом, мировая экономика и международная политическая система не могут быть друг от друга отделены, а должны рассматриваться в рамках некой связывающей их теории, которая вполне может носить междисциплинарный характер. Таким образом, искусственное разделение политики и экономики, национального и международного аспектов, может быть преодолено.

Каковы же основные теоретические традиции и парадигмы в рамках такой дисциплины как МПИ? Несмотря на разность взглядов, в политической экономии всегда существовало определенное единство взглядов на то, что фокусом дисциплины выступает взаимодействие рынка и государства, или же, экономики и политики (Gilpin, 1987). Концептуальная разница состоит в том, что собственно составляет «политику» и «экономику», что наполняет эти понятия конкретным содержанием, а также то, на каких основаниях они объединяются в единое целое. Традиционный взгляд указывал на то, что государство и рынок характеризуются противоположной логикой, и по сему главное проблемой является то, каким образом можно «примирить» их. Основными теоретическими традициями выступают здесь реализм и либерализм.

Неореализм фокусировался на национальном государстве как основном участнике международных политических и экономических отношений (Waltz, 1979). Либеральное видение мировой экономики заключалось в создании мира без экономических (и, возможно,

политических) границ, хотя в прагматической версии либерализма, функционирование мировой экономики требовало создание международных «режимов» как стабилизаторов в различных секторах (Krasner, 1982). Следует заметить, что упомянутые интеллектуальные традиции не исключают друг друга, а взаимодействуют, формируя общее теоретическое поле дисциплины. Так, либеральная посылка в отношении поддержания разумной эффективности в силу действия конкуренции (либерализм) сегодня является общепризнанным. Однако это не предполагает отрицание «национальных интересов» (неореализм). С другой стороны, тенденции, как интеграции, так и дезинтеграции, неопределенности и конфликты в мировой экономике заставляют подвергнуть ревизии традиционные концепты, призывая к эклектизму и методологическому переосмыслению. На этот призыв откликается критическая, или глобальная политическая экономия.

Теоретические новации отвергли такой взгляд, предложив более выйти на рамки этой традиционной дихотомии «государство-рынок», осуществив синтез в рамках критической политической экономии. **Критическая политическая экономия** предприняла попытку синтезировать политику и экономику посредством так называемого структурного анализа (Strange, 1988), в котором рассматривается то, каким образом государство влияет на рынок, и наоборот. Она носит также название новой МПИ (Murphy & Tooze, 1991), или глобальной политической экономии (Gill & Law, 1989). Роберт Кокс, один из основателей глобальной политической экономии приводит очень важную для МПИ формулировку: **критическая политическая экономия имеет дело со структурами, в рамках которых политическая и экономическая деятельность имеет место** (Cox, 1995). Фундаментальной посылкой явилось то, что взаимосвязь политики и экономики может быть выявлена через изучение структур, в рамках которых они формируются.

Следует понимать, что глобальная политическая экономия получила свое название не в силу того, что она описывает глобальные тренды, а по причине охвата многих сторон деятельности человека и общественных отношений. Такой подход берет свое начало от «Новой исторической школы» во Франции, один из представителей которой, Фернан Бродель разработал концепцию «глобальной истории». Эпитет «глобальный» предполагает охват всех сторон жизни человека и общества – речь здесь идет о практиках экономической и политической жизни, а также ментальных,

долговременных структурах (описываемых категорией «длительной временной протяженности», *la longue duree*). Для Броделя и его последователей, глобальный взгляд возможен и на отдельные объекты или определенную проблему, с тем условием, что при этом не искажается жизнь всего общества, не нарушается единства, связность истории.

Кроме Броделя, Карл Маркс, Антонио Грамши и Карл Полянши цитируются в качестве основных авторов, работы которых служат источником концепций, привлекаемых для объяснения структурных изменений в мировой экономике. Карл Полянши занимает особое место, поскольку многие из текущих исследовательских направлений сформировались под его непосредственным концептуальным влиянием.

25.2. ЭВОЛЮЦИЯ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

Капитализм с самого начала был транснациональным или же глобальным с начала своего становления. Мировой рынок сам по себе формировал основу для такого расширения (Marx, 1970, стр. 333). Развитие мировой экономики на современном этапе может пониматься как кульминация долгосрочных тенденций экономического и социального развития, начало которым было положено в 11-м веке. Именно этот период в истории отмечен зарождением и становлением рыночных и контрактных отношений (Sorokin, 1941). Для теории мировых систем (Wallerstein, 1974), капитализм всегда был глобальным явлением, берущим свое начало в Евро-центристском мире 17-го века – глобальным по своей сути, если не географическому положению.

Согласно Броделю, становление мирового хозяйства началось с «нижнего этажа рыночной экономики» (обмен, мелкие рынки) (Braudel, 1982). Такие рынки функционировали и функционируют везде, невзирая на то, как собственно общество институционализировало экономическую жизнь. Повседневный рыночный обмен, местная торговля, в рамках небольших по протяженности расстояний, носит регулярный, предсказуемый и рутинный характер и представляет собой ни что иное, как цепь обменов. Следующим шагом является вторжение махинаций и спекуляций на эти разрозненные, мелкие рынки – передвижные торговцы, скупщики, идут к производителю. Это означает то, что мы сталкиваемся с иной картиной «сферы обращения», где обмен уже стремится ускользнуть от гласности и контроля. Важно то, что

данный вид обмена влечет за собой *замену условий коллективного рынка системой индивидуальных сделок*, сроки которых произвольно меняются в зависимости от положения каждого из участников – что, по сути, и есть рыночная экономика (Braudel, 1982). Эта тенденция получила свое продолжение в движении от изолированных отдельных рынков к формированию Европейских национальных рынков в середине 19-го века, и последующей их интернационализации этих рынков.

В очень схожей манере, один из наиболее важных авторов в современной политэкономии, Карл Полян, предположил, что рынок как таковой имеет два значения – одно географическое, а другое абстрактное. В первом случае мы имеем дело с рынком как географическим явлением, которое представляет собой более или менее универсальный феномен, существующий во всех обществах, а во втором – сталкиваемся с концепцией экономической система общества. В своей книге «Великая трансформация» (*Great Transformation*, 1944) Карл Полян проанализировал эти разрушительные и поляризующие социум тенденции развития мировой экономики, определяемые развитием того, что он называл «саморегулирующийся рынок». Концептуальная схема Поляна, называемая «**двойственной трансформацией**» будет упрощенно представлена ниже.

25.2.1. КАРЛ ПОЛЯН И «ДВОЙСТВЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ»

Полян характеризует формирование рыночной экономики в терминах коммодификации факторов производства (т.е. они выступают как товар), а именно земли, капитала и труда. Этот процесс получил распространение относительно недавно, а сейчас, как считают последователи Поляна, расширился до размеров мирового рынка. Это первая часть «двойственного движения», или «двойственной трансформации» (*a double movement*), а именно расширение и углубление рыночного обмена. Развитие рынка не вызвано некими случайными или спонтанными причинами, а суть результат действия принудительной, (коэрцитивной) силы. Такие тенденции в мировой экономике в первой четверти 20-го века сформировали специфическую конъюнктуру 1930-х годов, давшую жизнь депрессии, фашистским политическим режимам, безработице, протекционизму, и в итоге ко второй мировой войне (Polanyi, 1957). По мере того, как принцип рыночной организации стал охватывать

все сферы человеческой жизни, он начал размывать прежние социальные отношения и структуры.

Неограниченное расширение рынка – будь то на национальном уровне или, как в настоящее время, в глобальном масштабе, вызывает реакцию со стороны общества в форме социального протеста и требования социальной защиты со стороны государства. Такой тип реакции общества в концепции Поланьи составляет вторую и последнюю часть «двойственного движения». Такова схема возникновения «государства благосостояния», равно как и других типов вмешательства государства в экономику. В целом, любое современное государство характеризуется своим собственным, присущим только ему отношением между накоплением и распределением, и в зависимости от степени доминирования того или иного, общество характеризуется как «социалистическое» или «капиталистическое».

Современные процессы глобализации, как предполагают сегодняшние последователи Поланьи, создают ситуацию, когда либерально-экономические структуры приведут к появлению разрушительных влияний не в национальном (как описывает Поланьи в случае с Великобританией), а в мировом масштабе. Эпоха, в которую появилась «Двойственная трансформация» совпала с взлетом и падением Британской гегемонии. Современные дебаты связаны также со сменой лидерства в мировой экономике, а именно ослабления гегемонии Соединенных Штатов и усилением глобализации мировой экономики. При этом глобализация и ассоциирующиеся с ней расширение тенденций к либерализации экономики видится как своего рода «новая гегемония», основа нового международного экономического порядка.

В условиях глобализации концепция Поланьи видится работающей на уровне мировой экономики в целом. Первую фазу «двойственной трансформации» составляет движение в сторону интеграции и унификации рынков в рамках мировой экономики на основе неолиберализма. Абсолютное доминирование рынка как гегемония «неолиберализма» приводит к акцентуации процессов маргинализации, исключения государств или социальных групп. Это, в свою очередь, должно вызвать реакцию со стороны гражданского общества, в котором возникают социальные движения, призванные сбалансировать этот процесс посредством принятия мер социальной защиты. Таким образом, вклад Поланьи заключается также и в том,

что в анализ были включены социальные отношения, гражданское общество, наряду с историческим измерением.

25.2.2. ГЕГЕМОНИЯ

Помимо теоретического наследия приведенных выше авторов, концепция *гегемонии* (*hegemony*) также позволяет нам проследить эволюцию мировой экономики, и таким образом оценить глобализацию в исторической перспективе. Что представляет собой гегемония? Гегемония – это особый тип власти, где наряду с принуждением (*coercion*), существует элемент добровольного принятия всеми ее участниками. Гегемония представляет собой главным образом согласительный (*consensual*) порядок (Gramsci, 1971). Таким образом, упадок гегемонии может быть связан с дефицитом легитимности, сознательным нежеланием следовать установившемуся порядку, даже если ресурсы принуждения продолжают существовать. Теоретизация гегемонии трудна, достаточно абстрактна, поскольку эмпирические свидетельства в ее пользу противоречивы. В МПИ, гегемония является, помимо прочего, исторической структурой, которая всегда в свою очередь уникальна сама по себе. Критическая, или глобальная политическая экономия указывает на то, что мировая экономика испытала на себе цепь последовательных, сменяющих друг друга гегемоний.

Эпоха меркантилизма и *Pax Britannica*: в тот период времени международные экономические отношения были в значительной степени сформированы существовавшими политическими границами. Кульминацией этого явился *Pax Britannica* – Британская гегемония в мировой экономике, в рамках которой мировая экономика стала функционировать относительно автономно, независимо от национальных государств, создав определенные ограничения для последних в плане проведения меркантилистских решений. Британская гегемония развивалась в отсутствие сильной политической власти, и ресурсы, направленные на поддержание военной мощи были невелики.

Период Американской гегемонии, *Pax Americana*, начался после окончания второй мировой войны, характеризовался ростом международной торговли, или «транснационализацией» производственных и коммерческих отношений. В противоположность Британскому доминированию, Американская гегемония развивалась в контексте конфликта двух блоков, что предполагало наличие двух конкурирующих социально-экономических систем, вовлеченных

между собой в Холодную войну. Однако международное производство и финансы представляли собой как благоприятные возможности, так и ограничительные факторы для государств. Этот порядок оказался в кризисе в середине 1970-х, когда произошел переход от Кейнсианства к неолиберальной экономической политике, включающей финансовую дисциплину, экономическое дерегулирование и снижение государственных расходов (Gill, 1992).

Откуда же берет свое начало первая часть «двойственной трансформации» в современную эпоху? Для ответа на этот вопрос следует остановиться на кризисе середины 1970-х годов, когда возникло различие между международной экономикой (*international economy*) и мировой экономикой (*world economy*). Международная (интернациональная) экономика была объектом исследования классической экономической теории, в фокусе которой были торговля, инвестиции и потоки капиталов, регулировавшимися государствами и международными организациями, созданными государствами. Основное различие состоит в том, что взаимозависимость в международной экономике (*a world-wide international economy*) проявляется в том, что отношения между государствами более тесные, относящиеся к «стратегическому сотрудничеству». С другой стороны, в глобализирующейся мировой экономике (*a globalised international economy*) отдельные национальные хозяйства связаны и артикулированы в системе, основанной на международных сделках и иных процессах. В первом случае государство – основной участник системы, а в последнем – ТНК (Hirst & Thompson, 1996). Именно в последнем случае мы сталкиваемся с глобализацией, формирующей мировую экономику, так, что производство и финансы организованы в трансграничные связи и цепочки, не попадающие под юрисдикцию национального и международного регулирования (Cox, 1997).

Такая трактовка совпадает с рядом важных изменений в мировой экономике, пораженной кризисом 1973 года, что выразилось в кризисе **модели массового производства и потребления (фордизм)** в развитых странах, ростом числа менее развитых стран и кризисом долга в них, а также трудностями в социалистических экономиках.

Возможно, наиболее важный момент кризиса 1970-х – это переход от фордизма к **пост-фордизму**. Процесс производства был реструктуризирован, а именно отход от выпуска стандартизированных товаров, требовавших больших затрат труда и энергии (фордизм), в направлении более **капиталоемких и технологически более**

сложных товаров (пост-фордизм). Фордистская модель производства, – основанная на хорошо оплачиваемой рабочей силе, которая была в состоянии сама же покупать свою собственную продукцию, и была защищена коллективной системой переговоров с владельцами производства и перераспределительной Кейнсианской политикой государства в качестве экономического стабилизатора (Rupert, 1995) – оказалась под угрозой. Новая ситуация ознаменовала ослабление власти профсоюзов, сокращение бюджетных расходов (в особенности в отношении социальной политики), дерегулирование, приватизацию и приоритет международной конкурентоспособности. Технологические изменения в производстве и коммуникациях, всегда стоящие на службе капитала, усилили эти тенденции.

Транснациональные корпорации (ТНК) также были подвержены экономическому кризису, начавшемуся в начале 1970-х, что привело к обострению конкурентной борьбы и падению прибылей. Крупные, вертикально интегрированные компании доминировали на протяжении двадцатого века, вплоть до кризиса 1970-х. После этого одной из черт стало формирование транснациональных альянсов, сетей небольших компаний, в рамках взаимных поставок и производственных цепочек. Итогом явилось изменение корпоративных стратегий, и поиск ими путей снижения издержек. Для этого ТНК попытались снизить трудовые издержки, найти новые места для открытия филиалов, в странах, где уровень зарплат был ниже. В целом, стратегии включали организацию производства в других странах, преобразование внутренней структуры компаний, попытка влияния на национальную политику с целью ослабления контроля со стороны государства, а также усилия по установлению глобальных правил (Brecher & Costello, 1998). В целом, количество ТНК увеличилось с начала 1960-х с 7000 до 40000 к началу 1990-х. Корпорации оперируют во многих странах мира, и доля продаж корпораций и их филиалов составляет почти треть от мирового выпуска (Sutcliffe & Glyn, 1999, стр. 112). Производство стало носить «сетевой характер», где контроль совмещен с децентрализацией. Это привело к изменению процедур управления, и возникновению «новой управленческой парадигмы» (Harrison, 1994, стр. 12).

Для стран третьего мира потребовалось увеличить экспорт, рефинансировать внешний долг, что означало сокращение государственных расходов, девальвацию национальных валют и устранение контроля над движением капиталов. Это, в свою очередь,

привело к усилению неравенства между небольшими, привилегированными группами, интегрированными в мировую экономику и большими массами населения, находящимися за ее пределами. Более развитые страны также ощутили на себе необходимость принятия финансовой и рыночной дисциплины.

Все эти описанные выше взаимосвязанные и взаимно усиливающие друг друга тенденции конституировали глобализации как комплекс сил, берущих свое начало в кризисе середины 1970-х и приостановивших развитие комплекса сил, существовавшего в течение трех десятилетий после второй мировой войны.

25.3. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

В течение последних трёх десятилетий в мировой экономике произошли существенные изменения, очень часто обозначаемые одним термином – «глобализация». Определения и трактовки варьируются в зависимости от академической дисциплины и выбранной в ее рамках теоретической традиции, и ее трактовки. Широко распространено мнение, что глобализация представляет собой новую фазу интернационализации и расширения производства и финансов по всему миру (Van Tulder & Ruigrok, 1995). Такие явления как, реорганизация производства, расширение активности транснациональных корпораций (ТНК), интеграция финансовых рынков, рост миграционных потоков, а также распространение идентичных товаров потребления, равно как и предпочтение демократической формы политического устройства общества – все это часто представляет собой главные (но не все!) атрибуты глобализации. Концептуально, в рамках концепции глобализации возможно связать воедино несколько областей анализа – политику, экономику, культуру и идеологию, но в данной главе основное внимание уделено политико-экономической составляющей феномена глобализации – феномена, имеющего свои корни в кризисе 1970-х, и получившего дополнительный импульс к своему развитию после окончания Холодной войны (Strange, 1998).

Каково же происхождение этого понятия? В 1972 году Джордж Модельский применил термин «глобализация» в отношении расширения Европейского влияния на другие общества путем интеграции последних в глобальную торговую систему (Modelski, 1972). Этимологически, слово «глобальный» имеет два значения,

сросшихся в неологизме «глобализация». Одно значение имеет отношение к географии, обращаясь к планете в целом (французское слово *мондиализация*, используемое как эквивалент глобализации). Другое обращается к целому, или набору факторов, рассматриваемых как целое, что дает концепции глобализации некий обобщающий характер. В последнем случае речь идёт о том, что мир все в большей степени становится гомогенным – экономически, социально и культурно. Сам термин глобализация вошел в обиход в 1970-е годы, когда в бизнес-школах США начали говорить о «глобализации бизнеса» (Palan & Abbott, 1999).

Что означает глобализация сегодня? В самом простом виде, **глобализация – это движение к глобальной экономической интеграции, по крайней мере, существующая как тенденция в мировой экономике.** Для большинства исследователей глобализация – это процесс многомерный, включающий ряд характеристик. Одно из удачных определений в этом отношении дано Майклом Портером (Porter, 1990), который называет следующие параметры глобализации:

1. *Растущая схожесть стран:* инфраструктура, производство и потребление, равно как и принципы маркетинга становятся все более однородными во всем мире.

2. *Динамичные глобальные рынки капитала:* национальные рынки капитала сливаются в единый глобальный рынок капиталов, характеризующийся значительными по объему операциями между странами. Либерализация финансовых операций способствовала росту прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Действительно, ПИИ значительно возросли, начиная с 1970. В 1970 приток новых ПИИ составил всего около 0,25% от мирового ВВП. Однако к 1989 году эта цифра составила 1%, вновь упав до 0,6% в 1991, и вновь увеличившись до 1% к 1995 году (World Bank, 1997, стр. 40). *The World Investment Report* проводит цифру, что объем иностранных инвестиций как доля ВВП вырос за период с 1980 по 1995 6,5% до 11,5%.

Динамика ПДИ, 1984-1995

% от ВВП, развитые страны	1980	1985	1991	1992	1993	1994	1995
Внутренние	2,7	5,5	3,2	3,2	3,5	3,5	4,4
Внешние	2,2	8,0	5,3	5,4	5,4	5,1	6,1
% от ВВП, развивающиеся страны	1980	1985	1991	1992	1993	1994	1995
Внутренние	3,3	8,0	4,4	5,1	6,6	8,0	8,2
Внешние	0,4	3,5	0,9	2,2	3,1	3,1	4,0.

Источник: UNCTAD, 1997: Annex table B.5.

3. *Снижение тарифных барьеров*: развитие торговых соглашений и успех переговоров в рамках двусторонних и многосторонних соглашений привели к снижению уровня тарифной защиты и ослабили протекционизм в целом. Это привело к резкому росту торговли. Степень торговой интеграции может быть измерена с помощью соотношения экспорта к ВВП при постоянных ценах. Согласно данным, приводимым Мэддисоном (Maddison, 1995, стр. 37-38), в Европе – эта величина снизилась с 16% в 1913 до 9% перед тем, как возрасти до 21% в 1973 и достичь 30% в 1992. Таким образом, важность торговли возросла более чем в 3 раза с 1950 года. Кроме того, растущий объем экспорта при постоянных ценах свидетельствовал в пользу того, что торговля росла быстрее, чем выпуск.

Таблица 25.2.

Экспорт как доля от ВВП, 1913-1994 гг.

Постоянные цены	1913	1950	1960	1973	1985	1995
США	6	4,6	5,2	7,1	7,3	11,3
ЕС	22	16,7	19,1	21,8	30,3	29,5
Япония	20	11,8	10,7	10,7	14,5	9,4
ОЭСР	16	10,5	12,3	12,3	18,8	20,0

Источник: OECD, 1997.

4. *Технологическая реструктуризация*: технологические решения изменили структуру конкуренции, что привело к появлению новых отраслей – таких, как микроэлектроника, информационная индустрия, и разработка новых синтетических материалов. Эти отрасли находятся под контролем основных участников процесса глобализации – крупных корпораций. Одно из наиболее часто цитируемых свидетельств в этой области – то, что мир в настоящее время контролируется 200 крупными корпорациями, которые имели оборот к объему мирового ВВП 24,2% в 1982, который к 1995 вырос до 31,2% (Clairmont, 1997). Таким образом, корпорации контролируют до одной трети мирового ВВП.

5. *Интегрирующая роль технологии*: снижение транспортных издержек и развитие коммуникационных технологий ускорило развитие финансовых рынков в силу ускорения передачи и увеличения объема информационного потока. Дальнейшие эмпирические свидетельства говорят нам о том, что крупнейшие ТНК все теснее интегрируются в структуры мирового рынка, в том смысле, что иностранные активы, продажи, и занятость становятся все более тесно связанными с мировым рынком. Одной из форм такой связи выступает интеграция производственной деятельности – интеграция посредством формирования «международных производственных связей».

6. *Новые глобальные конкуренты*: появление новых участников мировых рынков (таких, например, как страны Юго-Восточной Азии) привели к интенсификации конкуренции в рамках международного разделения труда (Porter, 1990).

Другой хорошей иллюстрацией может служить следующая таблица, отражающая основные черты глобализации и их описание.

Таблица 25. 3.

Черты глобализации

Категория	Основные элементы
1. Глобализация финансов и владения капиталом	Дерегулирование финансовых рынков, международной мобильности капитала, рост числа поглощений и слияний, глобализация участия в акционерном капитале как начальная стадия
2. Глобализация рынков и конкурентных стратегий	Интеграция деловой активности в мировом масштабе, перенос видов деятельности за рубеж (включая НИОКР и его финансирование), глобальный поиск сырья и материалов, формирование стратегических альянсов
3. Глобализация технологий и связывание НИОКР и знания	Технология является главным катализатором: рост использования информационной технологии и телекоммуникаций позволяет компаниям создавать глобальные сети внутри самой фирмы, равно как и между фирмами. Глобализация как процесс универсализации «Тойотизма»/lean production
4. Глобализация определенных жизненных укладов и потребительских стандартов	Трансферт и трансплантация преобладающего на Западе жизненного уклада. Выравнивание потребительских вкусов и предпочтений. Роль средств массовой информации. Трансформация культуры в «культурную пищу», «культурные продукты». Правила ГАТТ/ВТО, применимые к контролю над культурными потоками.
5. Глобализация регулятивных процедур и систем управления (<i>governance</i>)	Сокращение роли национальных правительств и парламентов. Попытки создать новое поколение правил, норм и институтов для системы глобального управления (<i>global governance</i>)
6. Глобализация как политическая унификация мира	Государственно-центристский анализ интеграции мировых сообществ в единую глобальную политическую и экономическую систему, ведомую определенной доминирующей силой (<i>core power</i>)
7. Глобализация восприятия и сознания	Социо-культурные процессы «Одной планеты». Глобалистское движение. Граждане планеты

Источник: Petrella, 1996, стр. 66.

Из приведенной таблицы видно, что на более фундаментальном уровне, глобализация представляет собой слияние в одно целое транснациональных процессов и внутренних структур, позволяющих экономике, политической системе, культуре и идеологии одной страны проникать в другую страну (Mittelman, 1997, стр. 3). Но в любом случае, она берет свое начало в реорганизации производства в ходе международной торговли и интеграции финансовых рынков. Далее, движимая меняющимся характером конкуренции, глобализация сжимает такие аспекты социальных отношений, как время и пространство. Трактовка глобализации как «сжатия времени и пространства» приводится в таких работах Харви (Harvey, 1990) и Гидденса (Giddens, 1990). Аналогичное этому определение (если следовать логике Поланьи) – «понятия встроенной в социум конструкции» (*the notion of social embeddedness*). Это приводит нас к видению глобализации как идеологии.

Глобализация может, помимо прочего, представляться как законченность, как логическая и неизбежная кульминация развития мощных тенденций работающего рынка. Тогда доминирование экономических сил расценивается как необходимое и выгодное, и государства и межгосударственная система должны таким образом содействовать расширению логике рынка. Так глобализация приобретает свое второе значение - идеологии. В такой конструкции, глобализация видится как комплекс сил и политики, направленных на поддержание упомянутых тенденций расценивается как неизбежный (безальтернативный) и в долгосрочном периоде выгодный (по крайней мере, для некоторых участников). Однако в любом случае, процесс глобализации – процесс, прежде всего экономического характера, центральными участниками которого являются корпорации и банки, выступающие одновременно и главными действующими силами процесса экономического развития (Cox, 1996, стр. 23).

Что касается экономических отношений, то каждый из пунктов в этих двух развернутых определениях в большей или меньшей степени связан с одним из видов экономической активности – производством и/или финансами. В сфере производственной деятельности, глобализация заключается в интернационализации производства, расширении деятельности ТНК, и формировании транснациональных «*производственных цепочек*» (*production networks*). Финансовая сфера характеризуется развитием глобального финансового рынка. Попробуем рассмотреть эти две области подробнее.

25.4. ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА

Интернационализация производства тесно связана с изменением мирового разделения труда. Сам термин *«интернационализация»* предполагает участие государства в процессе интегрирования той или иной национальной экономики в мировое разделение труда. Формально, интернационализация экономики является совокупностью потоков обмена сырьем, материалами и готовой продукцией наряду с услугами, деньгами, идеями, и людьми между двумя или более национальными государствами (при активном их содействии) (McMichael, 1996). Действительно, национальное государство продолжает играть существенную роль, несмотря на снизившуюся степень автономии в принятии экономических решений (Gill, 1992). Джеймс Миттельман (Mittelman, 1997) является одним из основных авторов, предлагающих оригинальное видение этой связи в контексте многоуровневого характера процесса глобализации. Для Миттельмана отправной точкой в процессе анализа глобализации являются исследование природы процесса труда и его продуктов на глобальном уровне, и далее конфликты между трудом и капиталом, а также изучение коммерческих и потребительских предпочтений. Следовательно, исследовательский фокус в данном случае – на том, как политико-экономическая система и составляющие ее социальные группы сами формируют и, с другой стороны, приспособляются к изменениям в пространственной организации производства.

Изначально, производители и покупатели были отделены друг от друга, и международное разделение труда строилось на том, что страна специализировалась на производстве того или иного товара в рамках территориальной и суверенной единицы, какой было национальное государство. Такая ситуация, когда развивающиеся страны третьего мира поставляли сырье и материалы небольшому числу развитых стран, обеспечивавших их капиталом и потребительскими товарами, существовала до 1960-х годов (Baran, 1957). В целом, отношения между развитыми и развивающимися странами описывались как «структурные отношения между «центром» и «периферией» (Galtung, 1971). Например, отношения между Европейским Сообществом и развивающимися странами объяснялись, например, как «коллективный колониализм». Сообщество поддерживало вертикальное разделение труда: колонии поставляли сырье, труд и предоставляли рынки сбыта, в то время как Европейские корпорации обеспечивали эти государства капиталом и

знаниями о том, как распоряжаться этими инвестициями (инвестиции и финансирование НИОКР, соответственно) (Galtung, 1971, стр. 59).

Эта структура претерпела изменения в 1960-е годы. Реструктуризация мировых рынков в то время включала в себя формирование мирового рынка труда, и – что наиболее важно – создание промышленных связей и цепей между странами с разным уровнем развития (Borrus & Zysman, 1998). В начале 1960-х, четыре «Азиатских дракона» (Тайвань, Сингапур, Гонконг и Южная Корея) достигли впечатляющих темпов экономического роста, экспортируя не сырье и материалы, а промышленные товары. Эти «новые индустриальные страны» (НИС) изменили структуру своих экономик, двигаясь от трудоинтенсивной к технологически – и капиталоемкой специализации, основанной на выпуске товаров с высокой добавленной стоимостью.

За период с 1965 по 1985 год промышленно развитые страны снизили удельный вес рабочей силы, занятой в промышленности, а также долю промышленного производства в ВВП. К концу 1970-х возникли так называемые «полупериферийные страны», занимающие промежуточное положение между развитыми и развивающимися странами. Эта группа стран (главным образом небольшие по размеру экономики в ЮВА) даже перегнала промышленно развитые страны по доле ВВП, создаваемого промышленностью. Однако и Запад начал переориентироваться на производство услуг, закладывая тем самым фундамент постиндустриальной экономики – услуг и диверсифицированного потребления (Bell, 1973). Таким образом, традиционная дихотомия между небольшим числом развитых стран и третьим миром как поставщиком сырья была разорвана. Перенос предприятий в страны третьего мира, разделение производственных операций на ряд подопераций и передача специализации на уровень отдельных компаний и/или стран, технологические инновации, миграция, феминизация труда – все это атрибуты процесса изменений в международном разделении труда (Mittelman, 1997).

Расширение теории мировых систем, сделанное Гэри Gereffi (Gereffi, 1997), известное как *парадигма «производственной цепи»* (*commodity chain approach*), говорит нам о том, что развитие производства и международной торговли во взаимосвязи привело к появлению «глобальной производственной системы». Промышленное производство рассеяно по всему миру, **причем «центр» специализируется на производстве товаров с относительно более**

высокой добавленной стоимостью, в то время как периферия и полупериферия – на выпуске товаров с относительно более низкой добавленной стоимостью. Примерами этому является создание экспортоориентированных фабрик в Мексике (*maquiladora*) в 1980-е, регионализация промышленного производства в ЮВА, а также промышленная реинтеграция стран Центральной и Восточной Европы в экономику единого рынка ЕС в ходе его Восточного расширения (Zysman & Schwartz, 1998). Среди перечисленных, пример развития экспортоориентированных отраслей в странах ЮВА представляет особый интерес для исследования. Эти государства характеризовались наличием авторитарных режимов, дешевой рабочей силой и низкой степенью социальной защиты, что в совокупности с присутствием иностранного капитала (48% всех инвестиций в развивающиеся страны) дало экономический рост около 37 процентов между 1985 и 1989 (Sassen, 1993, стр. 62).

В основе успеха ЮВА лежало так называемое **«эволюционное государство»**, представляющее собой **совокупность факторов политического, бюрократического и монетарного характера, задающих структуру капитализма в Северо-восточной Азии.** Эта форма государственного вмешательства в экономику сформировалась как характерный для данного региона ответ на вызов, брошенный Западным капитализмом. Несмотря на проблемы, существующие при таком типе устройства, такие как коррупция и неэффективность, а также новые императивы, диктуемые глобализацией, в настоящее время государственное вмешательство продолжает осуществляться исходя из соображений поддержания национальной конкурентоспособности, и поддерживаться за счет влияния национализма во внутренней политике (Chang, 1999). Однако в этом случае международные инвестиции сыграли решающую роль, которые определили также и форму Азиатского регионализма.

Региональная интеграция в Азии происходит в рамках рынков, которые быстро изменяются под воздействием глобализации. В отличие от ЕС, она в значительной степени менее институционализирована. Торговля между азиатскими странами выросла значительно в 1980-е годы, по сравнению с объемами торговли с внешним миром – это одно из наиболее значимых свидетельств. Азиатский регионализм определяется главным образом в рыночных, нежели политических, терминах. Однако Азиатские рынки не состоят из мириад отдельных сделок. Рынок выражает

определенные институциональные и политические отношения, которые сплетают между собой рынок и правительство. Увеличивая ПДИ, ТНК в настоящее время контролируют очень значительные объемы двусторонней торговли. В Японии, например, торговля внутри ТНК составляет около четырех пятых общего объема Японского экспорта и половину Японского импорта (Encarnation, 1994, стр.2). Соответственно, иностранные инвестиции способствовали вертикальному расширению структур *keiretsu* на иностранные рынки, поскольку Японские корпорации заставили своих поставщиков последовать за ними за границу.

Что же послужило движущей силой таких изменений в международном разделении труда? В качестве веской причины может быть названо изменение условий накопления капитала, расширением возможностей его применения (Lipietz, 1992). Этот тезис основан на идее потребности капитала в постоянном расширении, где производство – это основное его приложение и одновременно фактор, лежащий в основе международного разделения труда. Иными словами, новое международное разделение труда – это институциональная новация капитала как такового, продиктованное изменившимися условиями, а не стратегиями экономического развития отдельных государств или же решением той или иной корпорации. По сему логически было бы верным рассмотреть процессы, протекающие в финансовой сфере мировой экономики. Однако прежде сделаем еще одно важное замечание. Интернационализация производства не привела к механической смене «старого» разделения труда «новым». Наоборот, они сосуществуют. Кроме того, технологические и управленческие «центр» формирует специфическое региональное разделение труда, которое в свою очередь создает новые периферийные области уже внутри региональных интеграционных группировок. Поэтому концепция международного разделения труда не может игнорировать факт внутрирегионального разделения труда, существующего в рамках макро-регионов (таких как ЕС, НАФТА, АСЕАН).

25.5. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ ФИНАНСОВЫХ РЫНКОВ

В области международных финансов глобализация достигла наибольшего развития. Практически все авторы согласны в том отношении, что финансовая глобализация является катализатором развития глобального капитализма. Рост оффшорных рынков

стимулировал появление нерегулируемых финансовых институтов наряду с традиционными (регулируемыми на национальном уровне) банковскими системами (Palan & Abbott, 1999). Мобильность капитала увеличилась, равно, как и усилилась финансовая спекуляция. По мере того, как денежный капитал отделился от промышленного капитала, финансовые институты консолидировали власть в своих руках, изменив форму современных политических и экономических институтов. Кредитные карточки служат типичной иллюстрацией глобальных услуг, оказываемых для специализированного, характеризующегося высокой добавленной стоимостью, рынка, основанного на интеграции нескольких кластеров новых технологий (обработка данных, материалов, телекоммуникаций, и т.д.), и контролируемого глобальными финансовыми организациями, обладающими универсальными экспертными знаниями. Потоки капитала можно подразделить на три основные категории:

1. Денежные и финансовые потоки, связанные с движением товаров и услуг (импортно-экспортные сделки, расходы, связанные с туризмом);
2. Прямые иностранные инвестиции, которые предполагают не только трансферты финансового капитала, но и трансферт физического, человеческого и технологического капитала;
3. Портфельные инвестиции и различные типы сделок (включая спекулятивные операции).

В то время как динамика движения капиталов демонстрирует некоторую атрофию в период между окончанием второй мировой войны и концом 1960-х годов, для 1970-х уже характерно быстрое ускорение и интенсификация глобализации финансовых рынков. В тот период времени, значительный рост прямых иностранных инвестиций заключался главным образом в трансферте избыточного капитала из стран ОПЕК в государства третьего мира через банки развитых стран. Мобильность капитала возросла в силу появления рынка «**Евродолларов**» (причиной чему послужили инвестиции стран ОПЕК, вырученные ими в ходе продажи нефти на мировом рынке в долларах и последующем их вложении в Европейские банки; позже это дало обозначению **процесса вложения денег не в валюте страны вклада**). В течение этого периода, страны «Севера» стали богаче, используя нефтедоллары, которые были пущены на программы развития относительно более бедных стран «Юга». В конечном итоге развивающиеся страны попали в замкнутый круг долга и зависимости,

в то время как богатые нефтью страны «Юга» профинансировали экономическое развитие богатого «Севера».

В 1980-е потоки капиталов сконцентрировались в рамках Триады – трех наиболее богатых регионов «Севера»: Японии и четырех драконов, Западной Европы и Соединенных Штатов. К концу этого десятилетия, более чем 80% объема ПДИ приходилось на эти страны. В противовес этому, доля мирового запаса капитала, приходящегося на развивающиеся страны, составила всего 14% в 1982 и была менее 1% в 1989 году. При этом если 1970-е характеризовались использованием нефтедолларов, то в 1980-е главную роль играли Японские инвестиции. За период с 1986 по 1989 годы, на Японию приходилось около 27% общего объема потока капиталов в мире, в то время как эта цифра для США составила 16,4%. Однако 64% объема торговли, 70% ПДИ, и 86% портфельных инвестиций (95,5% в 1988) направлялось в два других региона «триады» за период с 1984 по 1988. Менее развитые страны не расценивались как благоприятные места для вложений. В 1980, все менее развитые страны привлекли около 55% всего объема потоков капитала, а в 1990 этот показатель составил всего 2% (Petrella, 1996, стр. 69-70).

1980-е годы называют «второй финансовой революцией» (Cerny, 1995), когда интеграция национальных рынков открыла путь к созданию единого транснационального рынка. Традиционная концепция национальной экономики, где финансы играли роль механизма кровообращения рыночного организма, подвергалась пересмотру, по мере того как различные *национальные* области финансовой активности становились *транснациональными*. В 1994 году объем активов международного финансового рынка составлял от 5,5 до 6 триллионов долларов США, что в отношении к мировому ВВП равнялось 25% (Adkogan, 1995).

По отношению к мировому ВВП, накопленный объем мировых заемных операций между банками в рамках мировой экономики вырос с 6% в 1972 году до 37% в 1991. Согласно данным Банка по международным расчетам, международные сделки по облигациям и акциям в отношении к ВВП выросли с менее чем 10% в 1980 до 80% в Японии, 160% в США, и 200% - в Германии в 1991 году (BIS, 1997).

Необходимым движущим элементом такой интеграции выступило развитие коммуникаций, позволяющих заключать сделки в реальном времени. В частности, рынок свопов расширился именно по этой причине. В целом, глобализация привела к тому, что каждый из

финансовых инструментов получил свой специфический рынок. Другой важной причиной развития международного финансового рынка стали процессы дерегулирования, или снятия ограничений на проведение финансовых операций. Семена «финансовой революции» 1980-х были посеяны в начале 1970-х, когда Бреттон-Вудская система прекратила свое существование. Одной из причин этого является фискальный кризис, который пережила Кейнсианское государство благосостояния, сначала в США и в Великобритании, оказавшееся не в состоянии (или не желающее) нести большое фискальное бремя и, следовательно, начавшее снижать налоги. Результатом стал быстрый рост долгового бремени, которое и заставило промышленно развитые страны ослабить финансовое регулирование (Mason, 1987). Однако глобализация этого сектора еще не далека от своего максимального уровня. Так, 98% частных сбережений в Японии остается в стране, схожие величины – 96% и 83% сохраняются для США и Великобритании (Lake & Graham, 1990).

25.6. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Процесс глобализации, наблюдаемый на мировом рынке, стимулируются также развитием процессов региональной интеграции, которые, несмотря на то, что носят другой характер, все же совместимы с глобализацией. Более того, исследуя глобализацию, можно обнаружить, что глобальные и региональные факторы тесно взаимосвязаны (Katzenstein, 1996). Это в особенности очевидно в области политической экономики. Во-первых, глобализация и дерегулирование рынка привели к ослаблению контроля над собственной экономикой со стороны национальных правительств, что частично компенсируется участием в схемах региональной интеграции. С одной стороны, региональная интеграция рассматривалась как инструмент достижения более быстрых темпов экономического роста. Эффекты региональной экономики на масштабе и сокращение транспортных издержек могут генерировать динамические эффекты, которые усиливают темпы экономического роста (Hansen & Nielsen, 1997; Lorenz, 1991).

С другой стороны, регионализм расценивался как средство сохранения политического контроля над процессами глобализации в экономической сфере, которые ослабили степень влияния национальных инструментов экономической политики (Oman, 1994, стр. 11, 35). В чем же состоят основные выгоды региональной интеграции, складывающейся как реакция на процесс глобализации?

Прежде всего, географическое соседство стран-участниц стимулирует рост торговли и инвестиций. Далее, предпочтение регионального торгового режима в пользу глобального, предлагаемого в рамках ГАТТ/ВТО оказывались сильнее, по причине неэффективности последнего. Считалось, что экономическая эффективность и конкурентоспособность могут быть усилены за счет институционализации сотрудничества, что требовало шагов политического характера на уровне региона, ослабив значимость глобального подхода к либерализации.

Это дает нам основания утверждать, что в мировой политике и экономике существует противоречие между динамикой глобализации и силами, приводящими к фрагментации, локализации и индивидуализации (концепция, соединяющая фрагментацию и интеграцию) (Rosenau, 1995). Важной задачей, таким образом, является установление отношений между феноменами общего характера (такими, как глобализация) и реакциями конкретных объектов (как-то регион, государство, сообщество, социальная группа) на изменения внешних условий. Наиболее значимым моментом выступает выявление взаимной связи глобализации и регионализма, которые не могут рассматриваться как отдельные процессы, несмотря на то, что оба они носят комплексный и гетерогенный характер (т.е. движимы силами, как фрагментации, так и интеграции).

25.7. СИНДРОМ «ЧЕРНЫХ ДЫР»

В пределе, развитие процессов дезинтеграции может быть объяснено с помощью *парадигмы «черных дыр»* (Hettne, 1997). Утверждается, что после окончания Холодной войны, периферийные тенденции, присутствовавшие в некоторых странах с большей степенью социально-экономической и культурной неоднородности, были усилены. Одним из наиболее выраженных примеров служит Югославия, а также республики бывшего СССР. Кризис политической власти на национальном уровне открыл дорогу ранее скрытой борьбе за власть на локальном уровне, а этот процесс может длиться сколь угодно долго в многоэтничном государстве. Таким образом, наряду с формированием макро-регионов, в мировой экономике заметна и **тенденция к возникновению локальных единиц, или микро-регионов, которые являются продуктами дезинтеграции ранее существовавших образований.** В чем же заключается опасность развития такой тенденции?

«Черные дыры», или даже угроза их появления, приводят к развитию кризиса безопасности на региональном уровне. Примеры тому Югославия в Европе, Шри-Ланка в Южной Азии, Афганистан, Сомали и Эфиопия в Восточной Африке, Ливан на Ближнем Востоке, Камбоджа в Юго-Восточной Азии, а также Нагорный Карабах и Приднестровье в СНГ. Эти кризисы в области безопасности делают необходимыми создание региональных институциональных рамок для урегулирования конфликтов, что является первым шагом на пути формирования региона. Ведь если не существует никакой, пусть даже зачаточной региональной структуры, процесс дезинтеграции может идти до тех пор, пока «международное сообщество» или международные организации не примут соответствующие меры, а они в этом отношении могут быть менее эффективным, чем региональные структуры. Таким образом, появление «черных дыр» в определенных условиях способствует процессу регионализации.

Подводя итог, следует сказать, что глобализацию и регионализацию нельзя назвать противоположными друг другу. С одной стороны, глобализация не является необратимым процессом (как утверждала либеральная политическая и экономическая мысль – см. Fukuyama, 1992). С другой стороны, мир не разделился на несколько соперничающих друг с другом блоков (как утверждали неомеркантилисты – см. Hettne, 1998). В действительности, глобализация и региональная интеграция – это комплементарные, дополняющие друг друга процессы. Они протекают одновременно, питая друг друга, однако и создают некоторые противоречия между регионализмом и мультилатерализмом (многосторонностью) в экономических отношениях. Попробуем более тщательно разобраться в сущности процесса региональной интеграции – и, прежде всего его экономической составляющей.

25.8. РЕГИОНАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Парадигма «черных дыр» может привести нас к мысли, что экономическая интеграция неразрывно связана с реализацией военной и политической безопасности. В определенном контексте это действительно так: например, после второй мировой войны Европейские страны объединились в сообщество, связывающее две соперничающие страны – Германию и Францию, чтобы предотвратить потенциальные военные конфликты между ними. Однако в 1960-е годы этот взгляд подвергся пересмотру благодаря работам таких

экономистов, как Бела Баласса (Balassa, 1961) и Джордж Хаберлер. Для них, экономическая интеграция более значима, нежели политическая, но, в свою очередь, необходимо достигнуть определенного уровня взаимодействия в политической сфере.

Что же представляет собой **региональная экономическая интеграция**? В самом простом виде, это устранение экономических границ между двумя или более экономиками. В свою очередь, экономической границей называется любое препятствие на пути свободного (действительного или гипотетического) перемещения товаров, услуг и факторов производства, а также информационных потоков. Рабочее определение экономической интеграции может быть задано через набор параметров, а именно:

1. Создание относительно гомогенного экономического пространства;
2. Свободная циркуляция факторов производства в условия реально функционирующего общего рынка;
3. Совместное использование ресурсов с максимальной экономической и социальной эффективностью;
4. Проведение общей экономической, финансовой и социальной политики;
5. Унификация национального законодательства (Pelkmans, 1997).

В последних двух пунктах мы имеем дело с «позитивной интеграцией» (де-юре), а в первых двух – с «негативной» (де-факто) интеграцией. Это различие было впервые сделано Яном Тинбергеном (Tinbergen, 1954). **Негативная интеграция означает реальную экономическую интеграцию посредством торговли и инвестиций, предполагающую устранение дискриминации в сфере экономических правил и проводимой политики в рамках двухсторонних соглашений. Позитивная интеграция связана с переходом к наднациональным институтам, или совместным принятием решений.** Иными словами, региональная интеграция может быть интеграцией рынков (*market-led*), как в случае с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), или же развиваться под влиянием институциональных соглашений (*institutionally-driven*), как в случае с Европейским Союзом (ЕС), либо быть смесью этих двух моделей.

Ключевой аналитической категорией при анализе региональной интеграции выступает **регион** (*region*). Что включает в себя это

понятие? Дойч определяет регион как включающий ряд стран, взаимозависимых по целому ряду направлений. Это зачастую, но не всегда, отражают значительный объем экономических потоков и высокая степень коммуникативной активности (Deutch, 1981, стр. 54). Иными словами, **регион представляет собой формирующийся, социально сконструированный феномен, берущий начало в национальных государствах, и развивающийся в области отношений между ними** (Jessop, 1995, стр. 197). Различные типы регионов характеризуются изменяющимися во времени степенями гегемонии, а также иерархических отношений, перекрывающимися сферами влияний, взаимозависимостями и областями конфронтации.

Основываясь на работе 22 исследователей, Томпсон (Thompson, 1973) дает композитное определение, содержащее 21 наиболее часто приводимые характеристики (черты) при определении региональной подсистемы. Они могут быть сведены к трем основным – общая географическая близость, регулярность и интенсивность взаимодействий, а также общие представления о региональной подсистеме как отдельном, особом месте взаимодействия.

В концепции Бьерна Хеттне, отдельный регион может рассматриваться в плане способности действовать в качестве участника. По сему мы можем говорить о степени регионности (по аналогии с национальностью). Более высокая степень регионности предполагает более высокую степень экономической взаимозависимости, коммуникации, культурной гомогенности, когерентности, способности к действию, и, в особенности, в способности разрешать конфликты. Хеттне предлагает новую **концепцию – «регионности» – служащую измерительным инструментом при анализе степени интеграционного взаимодействия**. В ее центре – пять векторов, своего рода измерительная шкала региональных образований как политико-экономических субъектов. Иными словами, разделяют пять степеней региональной комплексности, или регионности. Они отражают определенную эволюционную логику, равно как и компаративную.

1. Регион как географическая и экологическая единица, ограниченная естественными границами (например, Европа от Атлантики до Урала);

2. Регион как социальная система, предполагающая транслокальные отношения социального, политического, культурного и экономического порядка. Взятые в комплексе, эти

отношения конституируют «региональный комплекс». Например, региональный комплекс безопасности может базироваться на силовом балансе как единственной гарантии безопасности или же на более сложной организации.

3. Регион как организованное сотрудничество в культурной, экономической, политической, или военной областях. Создание региональной организации – или позитивная интеграция – является шагом вперед формирования мультилатерализма в региональном контексте. Без существования формальных организаций нельзя говорить о регионализме как сколько-нибудь значимом явлении, независимо от его формы.

4. Регион как региональное гражданское общество, появляющееся тогда, когда организационная структура содействует развитию процессов социальной коммуникации и конвергенции ценностей в рамках всего региона в целом. Культурная идентичность составляет потенциальный базис регионального гражданского общества, которое таким образом, обусловлено историческим контекстом.

5. Регион как историческое образование с особой идентичностью и потенциалом его участников, равно как и определенным уровнем легитимности (более комплексное организационное выражение) – это регион-государство, или высшая степень регионности (Hettne, 1997).

Более высокая степень регионности определяет форму так называемого «нового регионализма», связанного с действием сил глобализации в противовес регионализму «старому», являющегося продуктом биполярного мира времен Холодной войны.

25.9. «СТАРЫЙ» И «НОВЫЙ» РЕГИОНАЛИЗМ

Прежде чем разграничить эти две понятия, введем некоторые базовые определения. Проблема определения региона и регионализма возникла в академической литературе в конце 1960-х – начале 1970-х годов, но результат еще не обладает высокой степенью ясности. Однако попытаемся сделать некоторые обобщения. Прежде всего, **регионализм** – это политика государства, направленная на сближение политических и экономических отношений в том или ином регионе (Gamble & Payne, 1996, стр. 249). Иными словами, регионализм – это государственная «интеграционная политика». В противоположность этому, **«регионализация»** – это процесс, включающий серьезную

«неформальную компоненту», а именно структур, возникающих в рамках гражданского общества, социальных институтов, и формирующихся в условиях географической, социальной или даже культурной близости. Иными словами, если регионализм – это процесс «интеграции сверху», близкий к понятию интернационализации, в то время как регионализация – это процесс «интеграции снизу», или **транснационализация** межстрановых отношений.

Схожая дихотомия наблюдается и в случае «старого» и «нового» регионализма. «Новый регионализм» представляет собой вторую волну регионализма, взявшую старт примерно в 1980-е годы. **«Новый регионализм» – это выражение многополюсного мирового порядка, интеграционный феномен, распространяющийся по всему миру, содержание которого – экономическая взаимозависимость, большой вес позитивной интеграции (т.е. политического участия), культурная и коммуникативная гомогенность (более высокая степень регионализации), что в конечном итоге может привести к формированию региональной идентичности.** Формирование последней – наивысшая степень региональной интеграции, финальный пункт в оригинальной шкале региональной интеграции, разработанной Хеттне. В этом отношении Европейский Союз представляет собой парадигматический пример.

«Старый» регионализм сформировался в условиях биполярного контекста Холодной войны, и формировался «сверху» (одним из двух блоков) в 1960-е годы. Упадок гегемонии США, окончание холодной войны, а также усиление веса Азиатско-Тихоокеанского региона как результат его успешного экономического развития, а также переориентация стратегий экономического развития в странах третьего мира привели к появлению более децентрализованной международной экономической системы. Это, в свою очередь, стимулировало развитие автономии регионов и сделало их доминантными субъектами мировой политики. Регионализм был также усилен процессами демократизации и новой позицией многих стран в отношении сотрудничества на международном уровне. Именно это сформировало «новый регионализм», берущий начало в 1980-е годы.

25.10. РЕГИОНАЛИЗМ КАК ОРГАНИЗАЦИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Традиционно, глобализм приравнивался к универсализму и функционализму, в то время как регионализм был синонимичен протекционизму и территориальности. Иными словами, если глобализация рассматривается как проводник сотрудничества и поддержания мира, то регионализация, расценивается как та, что приводит к дискриминации и конкуренции, и в конечном итоге, конфликту (Väyrynen, 1997). Действительно, регионализм может также служить противовесом глобализации мировой экономики (которая, в свою очередь, принимает свою форму как результат региональной интеграции). Однако в целом, глобальная интеграция и локальная автономия не являются альтернативными траекториями, а представляют собой параллельные и взаимодействующие друг с другом процессы.

В нормативном смысле, регионализм может рассматриваться как желаемая организация мирового хозяйства, как один из возможных сценариев дальнейшей эволюции мировой экономики. Иными словами, в этом случае регионализм – это своего моральная позиция, или доктрина в отношении того, как система международных экономических отношений должна быть организована. Регионализм как модель мирового порядка наиболее близка к так называемой *«неомеркантилистской» парадигме*, утверждающей, что мир движется в сторону создания нескольких относительно закрытых региональных экономических блоков (Hettne, 1998).

Неомеркантилистская парадигма строится на концепции «нового регионализма» как многомерного процесса региональной интеграции, который включает в себя экономические, политические, социальные и культурные аспекты. В таком случае регионализм - это своего рода совокупность мер, а не единая политика, будь то экономическая сфера или внешняя политика. Конечная цель в данном случае – предотвращение глобального конфликта посредством создания территориальной идентичности и региональной связанности (*cohesion*). Таким образом, это «движение снизу», или же «изнутри». Реализация такого сценария приведет к регионализации мировой экономики, к разделению мира на относительно самодостаточные блоки. Эти блоки будут своеобразными «регионами-государствами», пришедшими на смену нациям-государствам, что, в свою очередь приведет к восстановлению стабильности и контроля в рамках

региона. Основное отличие от меркантилизма, существовавшего ранее в том, что в неомеркантилистской системе протекционизм главным образом мотивирован соображениями внутреннего благосостояния и внутренней политической стабильности региона. Такая система потенциально избегает многих из проблем, с которыми сталкиваются международные организации, пытающиеся управлять глобальной или квази-глобальной либеральной экономикой в отсутствие политических институтов схожего масштаба (Buzan, 1984).

25.11. НАЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Глобализация представляет собой как количественные, но главным образом качественные изменения в структуре и функционировании мировой экономики. С точки зрения интерпретации количественных показателей существовал некоторый скептицизм в отношении «новизны» глобализации для современной эпохи. В частности, Гордон (Gordon, 1988) отрицает эмпирические утверждения в пользу нового, количественно отличного разделения труда, то, что ассоциируется с концепциями глобализации. Действительно, скептицизм в отношении глобализации возникает по причине иной интерпретации количественных показателей, наличия убедительных исторических свидетельств против ее «новизны», данных по ограниченности движения миграционных потоков, и т.д. Однако качественные изменения составляют фундаментальное свидетельство в пользу существования глобализации в наши дни.

Феномен «новой» глобализации сделал возможным дизайн, развитие, производство, распределение и потребление товаров и услуг в мировом масштабе, в том числе посредством использования таких инструментов как базы данных, патенты, коммуникации, и инфраструктура.

- Многие виды продуктов были созданы для того, чтобы удовлетворить в растущей степени диверсифицированный глобальный рынок, регулируемый «квази-универсальными» нормами и стандартами.
- Современная корпорация также серьезно изменила свою структуру. Более чем когда-либо, современные компании формируют связи с другими фирмами в частном секторе, которые способны оперировать в глобальном масштабе.

- Владение капиталом осуществляются многочисленными держателями акций из разных стран мира.

В конечном итоге, важной переменной является потеря автономии принятия решений на уровне национального государства. Рассмотрим эту посылку подробнее. Одним из главных последствий интеграции (будь то глобальная или региональная интеграция), является ослабление роли национальных правительств в отношении их влияния на экономику собственной страны, так и формировании глобальных институтов (Strange, 1996).

Регулируемый капитализм, существовавший на национальном уровне, и система Бреттон-Вудских соглашений способствовали резкому росту и развитию после второй мировой войны и до начала 1970-х годов. Однако в начале 1970-х система оказалась в кризисе. Экономический рост в рамках мировой экономики сократился на 2,5%, по сравнению с 5% ранее. Уровень прибыльности в семи наиболее развитых странах упал с 17% в 1965 до 11% в 1980, а для промышленного сектора эти цифры составили 25% и 12% соответственно (Glyn, Hughes, Lipietz, & Singh, 1989, стр. 39). Конец эры относительно стабильного послевоенного роста, основанного на Кейнсианской политике, был связан с решением США об отказе от поддержки Бреттон-Вудских соглашений о фиксировании обменных курсов. Последовавшая вслед за этим глобализация экономики стёрла одно из центральных оснований национального государства, а именно национальный рынок. Экономическое пространство сейчас не совпадает с национальными границами, а представляет собой формирующееся глобальное пространство. Это не означает, что власть национальных государств убывает значительно в таких сферах как безопасность и оборона, равно как и то, что роль и власть национальных государств заменяется решениями транснациональных компаний. Во многих случаях, национальная экономика продолжает играть важную роль, как и ранее. В пользу этого говорит сохраняющееся соперничество между наиболее развитыми «национальными экономиками» мира – Германией, США, Японией, Францией, Италией, и Великобританией – также говорит в пользу того, насколько важна национальная экономика для отдельно взятой промышленно развитой страны.

Ранее категория «развития» понималось как эволюционное, направленное на повышение стандартов уровня жизни – как логическое следствие рациональных решений, что продемонстрировал

Европейский опыт. Далее, развитие как определенная политика, или стратегия экономического роста была направлена на поиск того, каким образом можно добиться максимизации благосостояния государства или международного института путем технологических новаций в промышленности и сельском хозяйстве (McMichael, 1996). Однако сейчас традиционным понятиям развития брошен вызов.

Производство и богатство больше не зависят от успеха собственных национальных, или местных компаний и рынков труда, а они обусловлены деятельностью фирм, являющихся частью глобальных связей финансовых и промышленных корпораций (Reich, 1990). Эти корпорации, в свою очередь, в своей деятельности, руководствуются собственными стратегическими интересами, а не национальными потребностями. Реализация этих стратегических интересов зависит от технологии, разработанной и примененной в какой-либо из стран мира, капитала, доступного на мировых финансовых рынках, а также наличия высококвалифицированного труда, не обязательно получившего образования и подготовку в своей стране. В этом отношении фундаментальным утверждением выступает то, что «национальный капитализм» больше не является единственной целостной, когерентной формой организации национального капитала, и его доминирование может исчезнуть в ближайшие десятилетия – на смену ему придет капитал региональный или же глобальный, характеризующийся высокой мобильностью. Возможные противоречия возникают при этом не между капиталистическим и посткапиталистическим, постиндустриальным обществом, равно как и не между «хорошим» (социальная рыночная экономика – *'sozialmarket Kapitalism'*, «коммунитарный», общинный капитализм) и «плохим» (разоряющим, «диким») капитализмом. Наоборот, основное противоречие возникает между ослаблением всех аспектов национального государства, основанного на национальном капитализме и растущей динамике капитализма глобального. Это второе противоречие глобализации (первое касается концепции Поланьи о существовании социальной поляризации не только внутри, но и между государствами) (Cox, 1997). Иными словами, это движение от «богатства наций» к «богатству мира».

С этими процессами связано и третье противоречие глобализации – тенденция, пусть не столь четко артикулированная, декомпозиции гражданского общества. Она принимает форму, как фрагментации социальных сил, так и растущий разрыв между социальной основой

общества и политическим лидерством. Эта тенденция в отношении декомпозиции подкрепляется растущим осознанием собственной идентичности (как, например, религия, этническое происхождение, пол). Станут ли эти фрагменты неким целым, из которого может сложиться новый базис политической власти – все еще вопрос открытый.

Резюме

Глобализация экономики – одна из основных черт современной эпохи, выражающаяся в более тесной интеграции национальных экономик. С другой стороны, процессы углубления региональной интеграции идут рука об руку с процессами глобализации. Глобализация предполагает интеграцию посредством интернационализации производства и формирования производственных цепей в рамках деятельности корпораций, а также расширение финансовых операций по всему миру. Эти тенденции заметны на уровне регионов, – однако, они характеризуются большей степенью политического сотрудничества и институционализации. Таким образом, мировое хозяйство характеризуется с одной стороны, стремлением к глобальной унификации, а с другой – процессом создания макро-регионов, которые, прежде всего, являются торговыми регионами, и далее эволюционируют от негативной к более глубокой, позитивной интеграции. Возможно, это один из вероятных – и желаемых сценариев развития мировой экономики.

Основные понятия

Международная политическая экономия (*International Political Economy*)

Критическая, или глобальная политическая экономия (*Critical Political Economy, Global Political Economy*)

«Двойственная трансформация» (*A Double Movement*)

Гегемония (*Hegemony*)

Фордизм (*Fordism*)

Пост-фордизм (*Post-Fordism*)

Транснациональные корпорации (ТНК) (*Transnational Corporations*)

Глобализация (*Globalisation*)

Парадигма «производственной цепи» (*Commodity Chain Approach*)

Интернационализация (*Internationalisation*)

«Эволюционное государство» (*Developmental State*)

Парадигма «черных дыр» (*'Black Hole Syndrome'*)

Региональная экономическая интеграция (*Regional Economic Integration*)

Экономическая граница (*Economic Border*)

Негативная интеграция (*Negative Integration*)

Позитивная интеграция (*Positive Integration*)

Регион (*Region*)

Регионность (*Regionness*)

Регионализм (*Regionalism*)

Регионализация (*Regionalisation*)

Новый регионализм (*New Regionalism*)

Неомеркантилистская парадигма (*Neo-mercantilism*)